

**Никколо Макиавелли
Сергей Борисович Барсов
Искусство побеждать противника.
Изречения и афоризмы Н. Макиавелли**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645255*

*Искусство побеждать противника. Изречения и афоризмы Н. Макиавелли: Центрполиграф;
Москва;
ISBN 5-9524-2303-5*

Аннотация

Эта книга – собрание тематических цитат из наследия политического мыслителя, историка и поэта итальянского Возрождения Николло Макиавелли. Рассуждения родоначальника политологии касаются таких кардинальных вопросов, как «народ», «власть», «государство», «религия»... Предлагаются выдержки из «Истории Флоренции», трактата «Государь», труда «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и других произведений.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Когда читаешь Макиавелли...	4
О государстве	6
О властителе	12
О народе	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

С. Б. Барсов

Искусство побеждать противника.

Изречения и афоризмы Н. Макиавелли

Когда читаешь Макиавелли...

Главное, что мы находим у Макиавелли, это мысль о том, что история есть борьба и что политика соотносится скорее с людьми, чем с принципами. Возможен ли какой-нибудь более надежный вывод?
Морис Мерло-Понти

Возьмите марсианина и покажите ему коллекцию произведений Боттичелли, Перуджино и Рафаэля. Разве сможет он догадаться по ним об условиях жизни, описанных у Макиавелли?
Олдос Хаксли

Когда читаешь Макиавелли, вспоминаешь, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным. То же в полной мере относится и к хорошим книгам. Мессир Никколо написал несколько превосходных книг – и от его фамилии произвели термин «макиавеллизм», под которым подразумеваются и аморализм, и вероломство, и искусное лицемерие, и оправдание любых средств в достижении политических целей... И всё это – разом.

Когда читаешь Макиавелли, необходимо помнить, что его целью – и мечтой тоже – было новое государство, свободное от изнуряющей и кровопролитной борьбы партий, которая вконец измучила тогдашнюю Флоренцию. Прекратить эти вековые свары, объединить всех граждан не под скипетром, но под эгидой одного властителя – такая цель, пожалуй, и в самом деле оправдывает любые средства. У него были и собственные политические амбиции: незадолго до кончины он баллотировался на пост канцлера Флорентийской республики. Можно уверенно сказать, что при этом он всю применял свои теоретические выводы. Но те принципы, которые Макиавелли вывел из истории маленькой – даже по меркам Европы – Флорентийской республики, применялись на гораздо больших пространствах; отсюда и всяческие aberrации. Тут нужно еще добавить, что без Макиавелли не было бы и Кампанеллы.

Когда читаешь у Макиавелли о кондотьерах, сначала почему-то представляется не величественный Коллеони работы Верроккьо, а кичливый фанфарон Капитано, персонаж итальянской комедии масок – *commedia dell'arte*. А когда речь заходит о непрестанной борьбе партий, вспоминаются Панталоне и Тарталья. Вот только Коломбины не обнаруживается, что, впрочем, вполне понятно: книги Макиавелли – не о любви. Задолго до Шекспира Макиавелли понял, что весь мир – лишь театр, а политики разного рода – актеры просцениума. Кстати, придворный театр бытует и в республиках. Кто не верит, пусть задерет голову и посмотрит.

Когда читаешь Макиавелли, быстро понимаешь, насколько он был одержим четвертым вождением, как называли это братья Стругацкие, то есть жадой делиться знанием. Образованнейший человек своего времени, да и не только своего, он просто не мог ими не делиться, тем более, что в них нуждались почти все его сограждане и современники, как простого звания, так и весьма знатные.

Когда читаешь Макиавелли, невольно вспоминаешь судьбу его книг в нашей стране: с 1931-го года и по 1982-й – ни одного издания.

Власти буквально монополизировали Макиавелли и, похоже, всю им пользовались. Но теперь его труды, этот концентрат политической мудрости, доступны всем и каждому, Пользуйтесь, если сможете.

Сергей Барсов

О государстве

Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю.

Известно, что Спарта свыше восьмисот лет соблюдала свои законы, не извращая их и не переживая гибельных смут. Несколько менее счастлив город, который, не обретя умного

и проницательного устроителя, вынужден устраиваться сам собой. И уже совсем несчастен город, который еще дальше ушел от прочного строя, а дальше всего отстоит от него тот город, который во всех своих порядках совершенно сбился с правильного пути, способного привести его к истинной цели и совершенству.

Так как любой государственный строй на первых порах внушает к себе некоторое почтение, то народное правление какое-то время сохранялось, правда, недолго – пока не умирало создавшее его поколение, ибо сразу же вслед за этим в городе воцарялась разнузданность, при которой никто уже не боялся ни частных лиц, ни общественных; всякий жил как хотел, и каждодневно учинялось множество всяких несправедливостей. Тогда, вынуждаемые к тому необходимостью, или по наущению какого-нибудь доброго человека, или же из желания покончить с разнузданностью, люди опять возвращались к самодержавию, а затем мало-помалу снова доходили до разнузданности – тем же путем и по тем же причинам.

Переустройства всегда связаны с опасностью, ибо значительная часть людей никогда не соглашается на новый закон, устанавливающий в городе новый порядок, если только необходимость не докажет им, что без этого не обойтись. А так как такая необходимость никогда не возникает без опасности, то может легко случиться, что республика падет еще до того, как будет приведена к совершенному строю.

Переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходиться в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем.

По причине завистливой природы человеческой открытие новых политических обычаев и порядков всегда было не менее опасно, чем поиски неведомых земель и морей.

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно.

Мы живем в такое время, когда не очень-то обращают внимание на справедливость и несправедливость, поэтому, оставив это в стороне, надо рассуждать только с точки зрения интересов нашего государства. Впрочем, полезным для отечества можно считать лишь то, что не порождает почти немедленно какого-либо вреда.

Многие государства древности, где форма правления долгое время оставалась неизменной, обязаны этим законодательству, которого не доставало и недостает всем государствам, где правление переходило и переходит от тирании к своеволию и от своеволия к тирании. И действительно, у подобных правительств нет и не может быть никакой прочности из-за всегда противостоящего им значительного количества могущественных врагов. Одно не нравится людям благонамеренным, другое не угодно людям просвещенным; одному слишком легко творить зло, другому весьма затруднительно совершать что-либо хорошее: в первом случае много власти дается гордыне, во втором – неспособности.

Если вы хотите жить спокойно, то в делах государственных принимайте лишь то участие, на какое дает вам право закон и согласие сограждан: тогда вам не будет грозить ни зависть, ни опасность, ибо ненависть в людях возбуждает не то, что человеку дается, а то, что он присваивает. И в управлении республикой вы всегда будете иметь большую долю, чем те, кто, стремясь завладеть чужим, теряет и свое, да к тому же еще, прежде чем потерять все, живет в беспрестанных тревожениях.

Великими города делает забота не о личном, а об общем благе. А общее благо принимается в расчет, бесспорно, только в республиках. Ибо все то, что имеет его своей целью, в республиках проводится в жизнь, даже если это наносит урон тому или иному частному

лицу; граждане, ради которых делается сказанное благо, столь многочисленны, что общего блага можно достигнуть там вопреки немногим, интересы которых при этом ущемляются.

Государства, особенно плохо устроенные, управляющиеся, как республики, часто меняют правительства и порядок правления, что ввергает их не в рабское состояние из свободного, как это обычно полагают, а из рабского в беспорядочное своеволие.

Те республики, которые в минуту крайней опасности не прибегают к Диктатуре или к подобной ей власти, оказавшись в тяжелых обстоятельствах, неминуемо погибнут.

Обычные учреждения действуют в республиках медленно (так как и советы, и магистраты не имеют возможности во всем поступать самостоятельно, но нуждаясь друг в друге для решения многих вопросов, а также потому, что для вынесения совместных решений потребно время) и предлагаемые ими меры оказываются крайне опасными, когда им приходится лечить болезнь, требующую незамедлительного вмешательства. Вот почему республики должны иметь среди своих учреждений нечто подобное Диктатуре.

Следует принять за непреложную истину, что развращенный город, живущий под властью государя, даже если государь его гибнет вместе со всем своим родом, никогда не может обратиться к свободе. Наоборот, надобно, чтобы одного государя губил в нем другой государь.

Ошибаются люди, полагающие, что в республике можно достичь единения.

Поскольку жизнь государей коротка, то и случается, что иное царство существует лишь до тех пор, пока существует доблесть его царя. Вот почему царства, зависящие только от доблести одного человека, недолговечны, ибо доблесть эта исчезает с его смертью и весьма нечасто воскресает в его наследниках.

Превращение страны, приноровленной к монархическому строю, в республику и установление монархии в стране, приспособленной к республиканскому строю, – дело, требующее человека редкостного ума и воли. Поэтому, хотя брались за него весьма многие, лишь очень немногим удавалось довести его до конца.

Ошибаются люди, полагающие, что в республике можно достичь единения.

Самодержавие легко становится тираническим, Аристократии с легкостью делаются олигархиями, Народное правление без труда обращается в разнузданность. Таким образом, если учредитель республики учреждает в городе одну из трех перечисленных форм правления, он учреждает ее ненадолго, ибо нет средства помешать ей скатиться в собственную противоположность, поскольку схожесть между пороком и добродетелью в данном случае слишком невелика.

Кто захотел бы в наши дни создать республику, нашел бы для нее более подходящий материал среди горцев, которых еще не коснулась культура, а не среди людей, привыкших жить в городах, где культура пришла в упадок. Так скульптору легче извлечь прекрасную статую из неотесанного куска мрамора, нежели из плохо обработанного кем-нибудь другим.

Пусть устанавливается республика там, где существует или создано полное равенство. И наоборот, пусть учреждается самодержавие там, где существует полнейшее неравенство. В противном случае будет создано нечто несоразмерное и недолговечное.

Места, где слишком мало народу, превращаются в пустыню, места, где слишком много, нищают. Поскольку сама природа не может устранить этих неблагоприятных обстоятельств, тут необходима человеческая деятельность: нездоровые области становятся более благоприятными для обитания, когда в них сразу поселяется большое количество людей, которые, возделывая землю, делают ее более плодородной, а разводя огонь, очищают воздух.

Город, пришедший в упадок из-за испорченности материала, если когда и поднимается, то только благодаря доблести одного человека, в то время живущего, а не благодаря доблести всего общества, поддерживающего в народе добрые порядки. Едва лишь человек этот умирает, как город тут же возвращается к своему извечному состоянию.

Там, где развращенность всех достигла такой степени, что ее не в состоянии обуздать одни лишь законы, необходимо установление вместе с законами превосходящей их силы; таковой силой является царская рука, абсолютная и чрезвычайная власть которой способна обуздывать чрезмерную жадность, честолюбие и развращенность сильных мира сего.

Среди великих и удивительных начинаний, свойственных республикам и монархиям древности и ныне позабытых, заслуживает быть отмеченным обычай основывать повсюду новые государства и города. Ибо ничто не может быть более достойным мудрого государя или благоустроенной республики, а также более полезного для любой области, чем основание новых городов, дающих людям возможность с успехом защищаться и безопасно возделывать свои поля. Древним делать это было нетрудно, ибо они имели обыкновение посылать в земли завоеванные или пустующие новых жителей в поселения, именовавшиеся колониями. Благодаря этому не только возникали новые города, но победителю было легче владеть завоеванной страной, места пустынные заселялись, и население государства гораздо правильнее распределялось по его землям.

Колония является своего рода крепостью, бдительным стражем, держащим покоренный люд в повиновении. Без такого порядка ни одна страна не может быть заселенной целиком, с правильным распределением жителей. Ибо не все области в ней одинаково плодородны и одинаково благоприятны для обитания.

Для постепенного обновления государственного строя необходимо, чтобы оно осуществлялось проницательным человеком, который бы загодя видел недостаток той или иной из сторон государственного строя, когда недостаток этот только еще зародился. Весьма вероятно, что такого человека в городе никогда не найдется; а если он даже и найдется, ему все равно ни за что не удастся убедить других в том, что для него самого совершенно ясно, ибо люди, привыкнув к определенному укладу жизни, не любят его менять, особенно когда они не сталкиваются со злом лицом к лицу, и поэтому им приходится говорить о нем, основываясь на предположениях.

С тех пор как исчез обычай основывать колонии, труднее стало удерживать завоеванные земли, малолюдные местности не заселяются, а перенаселенные не могут избавиться от излишка жителей.

Хотя один человек способен создать определенный порядок, порядок этот окажется недолговечным, если будет опираться на плечи одного-единственного человека. Гораздо лучше, если он будет опираться на заботу многих граждан и если многим гражданам будет вверено его поддержание.

В развращенных городах сохранить республику или же создать ее — дело трудное, а то и совсем невозможное. А ежели все-таки ее в них пришлось бы создавать или поддерживать, то тогда необходимо было бы ввести в ней режим скорее монархический, нежели

демократический, с тем чтобы те самые люди, которые по причине их наглости не могут быть исправлены законами, в какой-то мере обуздывались властью как бы царской.

О властителе

Тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе. Ибо если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение.

Следует принять за общее правило следующее: никогда или почти никогда не случилось, чтобы республика или царство с самого начала получали хороший строй или же преобразовывались бы заново, отбрасывая старые порядки, если они не учреждались одним человеком. Напротив, совершенно необходимо, чтобы один-единственный человек создавал облик нового строя и чтобы его разумом порождались все новые учреждения.

Подлинно счастливой можно назвать ту республику, где появляется человек столь мудрый, что даваемые им законы обладают такой упорядоченностью, что, подчиняясь им, республика может, не испытывая необходимости в их изменении, жить спокойно и безопасно.

Для того, чтобы какой-либо гражданин мог угнетать других и захватить чрезвычайную власть, ему надобно обладать многими качествами, которыми в неразвращенной республике обладать он не в состоянии: ему надо быть очень богатым и иметь достаточное количество приспешников и сторонников, которых у него не может появиться там, где соблюдаются законы; когда же они у него появляются, люди эти наводят такой страх, что оказывается невозможно провести свободные выборы.

Благо республики или царства состоит вовсе не в том, чтобы обладать государем, который бы мудро правил ими в течение всей жизни, а в том, чтобы иметь такого государя, который установил бы в них такие порядки, чтобы названное благо не исчезло с его смертью.

Когда кто-нибудь становится государем какой-нибудь страны или города, особенно не имея там прочной опоры, и не склоняется ни к монархическому, ни к республиканскому гражданскому строю, то для него самое надежное средство удержать власть – это, поскольку он является новым государем, переделать в этом государстве все по-новому: создать в городах новые правительства под новыми наименованиями, с новыми полномочиями и новыми людьми; сделать богатых бедными, а бедных – богатыми, как поступил Давид, став царем: алчущих исполнил благ, а богатящихся отпустил ни с чем, а кроме того – построить новые города и разрушить построенные, переселить жителей из одного места в другое, – словом, не оставить в этой стране ничего нетронутым. Так, чтобы в ней не осталось ни звания, ни учреждения, ни состояния, ни богатства, которое не было бы обязано ему своим существованием.

Когда свободную жизнь сменяет тирания, наименьшим злом, какое проистекает от этого для городов, оказывается то, что они не могут больше ни развиваться, ни умножать свою мощь и богатство. Чаще же всего и даже почти всегда они поворачивают вспять. Если по воле случая к власти и приходит доблестный тиран, который, обладая мужеством и располагая силой оружия, расширяет границы своей территории, то это идет на пользу не всей республике, а только ему одному. Тиран не может почтить ни одного из достойных и добрых граждан, над которыми он тиранствует, без того, чтобы тот тут же не попал у него под подозрение.

Государь, ищущий мирской славы, должен желать завладеть городом развращенным – не для того, чтобы его окончательно испортить, как это сделал Цезарь, но дабы, подобно Ромулу, полностью преобразовать его. И воистину, ни Небеса не способны дать людям большей возможности для славы, ни люди не могут жаждать большего.

Нет сомнения в том, что если только государь... рожден человеком, он с ужасом отвратится от подражания дурным временам и воспылет страстным желанием следовать примеру времен добрых.

Мудрый учредитель республики, всей душой стремящийся не к собственному, но к общему благу, заботящийся не о своих наследниках, но об общей родине, должен всячески стараться завладеть единовластием. И никогда ни один благоразумный человек не упрекнет его, если ради упорядочения царства или создания республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам... Ему надлежит быть очень рассудительным и весьма доблестным, дабы захваченная им власть не была унаследована другим, ибо, поскольку люди склонны

скорее ко злу, нежели к добру, легко может случиться, что его наследник станет тщеславно пользоваться тем, чем сам он пользовался доблестно.

Поскольку восстановление в городе политической жизни предполагает доброго человека, а насильственный захват власти государя в республике предполагает человека дурного, то поэтому крайне редко бывает, чтобы добрый человек пожелал, даже преследуя благие цели, встать на путь зла и сделаться государем. Столь же редко случается, чтобы злодей, став государем, пожелал творить добро, и чтобы ему когда-либо пришло на ум использовать во благо ту самую власть, которую он приобрел дурными средствами.

Порицать надо того, кто жесток для того, чтобы портить, а не того, кто бывает таковым, желая исправлять.

Почти все, обманутые видимостью мнимого блага и ложной славы, вольно или невольно скатываются в число именно тех людей, которые заслуживают скорее порицаний, нежели похвал. Имея возможность заслужить огромный почет созданием республики или царства, они обращаются к тирании и не замечают, какой доброй репутации, какой славы, какой чести, какой безопасности и какого душевного спокойствия, вместе с внутренним удовлетворением, они при этом лишаются, на какое бесславие, позор, опасность, тревоги они себя обрекают.

Если государь, желавший дать городу хороший строй, но не давший его из боязни потерять самодержавную власть, заслуживает некоторого извинения, то нет никакого оправдания тому государю, который не преобразовал город, имея возможность сохранить единодержавие. Вообще пусть помнят те, кому небеса предоставляют такую возможность, что перед ними открываются две дороги: одна приведет их к жизни в безопасности и прославит их после смерти, другая обречет их на непрестанные тревоги и после смерти покроет их вечным позором.

Осторожный государь, когда настает время применить натиск, не умеет этого сделать и оттого гибнет, а если бы его характер менялся в лад со временем и обстоятельствами, благополучие его было бы постоянно.

Двойную славу стяжает тот, кто создаст государство и укрепит его хорошими законами, хорошими союзниками, хорошим войском и добрыми примерами; так же как двойным позором покроет себя тот, кто, будучи рожден государем, по неразумию лишится власти.

Пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость. В спокойное время они не предусмотрели возможных бед – по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре, – когда же настали тяжелые времена, они предпочли бежать, а не обороняться, понадеявшись на то, что подданные, раздраженные бесчинством победителей, призовут их обратно.

Не существует столь долговечного человека, чтобы ему хватило времени хорошо образовать город, бывший долгое время плохо образованным.

Лучше жить частной жизнью, нежели сделаться монархом ценой гибели множества людей.

Новый государь вызывает большее любопытство, чем наследный правитель, и, если действия его исполнены доблести, они куда больше захватывают и привлекают людей, чем древность рода. Ведь люди гораздо больше заняты сегодняшним днем, чем вчерашним, и если в настоящем обретают благо, то довольствуются им и не ищут другого; более того, они горой станут за нового государя, если сам он будет действовать надлежащим образом.

Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана.

Пусть наши правители, много лет властвовавшие в своих княжествах, обвиняют за утрату их не судьбу, а свою неумелость; в спокойные времена им никогда в голову не прихо-

дило, что обстоятельства могут измениться, когда же наступили времена тяжкие, они думали о бегстве, а не о защите.

Все или большая часть тех, кто свершил в этом мире деяния величайшие и между всеми своими современниками достиг положения высокого, имели происхождение и рождение низкое и темное или же терпели от судьбы всевозможные удары. Ибо все они либо были подкинута зверям, либо имели отцом столь ничтожного человека, что, стыдясь его, объявляли себя детьми Юпитера или иного бога. Думаю, что указанное происходит оттого, что природа, желая доказать, что великими делает людей она, а не благоразумие, начинает показывать свои силы в такой момент, когда благоразумие не может играть никакой роли, и становится ясно, что люди всем обязаны именно ей.

Князь, помышляющий о славе, должен стремиться подчинить себе развращенный город, не для того, чтобы испортить его окончательно, как это сделал Цезарь, а чтоб навести порядок, как Ромул.

Пусть помнят те, кому небо дарует сию возможность, что перед ними открыты два пути: один путь ведет к спокойной жизни и славе после смерти, второй сулит жизнь, полную тревог, а после смерти – вечное бесчестие.

Самое важное в этом мире – познать самого себя и уметь взвешивать силы своего духа и своего государства. Кто сознает, что он не создан для войны, должен стараться править мирными средствами.

Все дела – государственные и политические, – как бы их ни вели, к какому бы исходу они ни приводили, всегда, по-видимому, приносят совершающим их больше чести, чем поношения.

Правление насильственное несовместимо с добрым государем, и неизбежно должно случиться, что они либо уподобятся друг другу, либо одно уничтожит другое.

Государь всегда должен советоваться с другими, но только когда он того желает, а не когда того желают другие; и он должен осаживать всякого, кто вздумает, непрощенный, подавать ему советы. Однако сам он должен широко обо всем спрашивать, о спрошенном терпеливо выслушивать правдивые ответы и, более того, проявлять беспокойство, замечая, что кто-либо почему-либо опасается говорить ему правду.

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки.

Если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против её ударов.

Самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо.

Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки.

Государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти добродетелей. Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим.

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо

чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство.

Если царь заслужил признание подданных и устранил завистников, то он на долгое время обретает могущество, покой, почести и счастье.

Тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно. Как бы перелетев весь путь к цели, они сталкиваются с множеством трудностей впоследствии.

Только тот, кто обладает истинной доблестью, при внезапном возвышении сумеет не упустить того, что фортуна сама вложила ему в руки, то есть сумеет, став государем, заложить те основания, которые другие закладывали до того, как достигнуть власти.

Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решение государя касательно частных дел подданных должны быть бесповоротными, и мнение о нем должно быть таково, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя.

С врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя.

Если говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания.

Раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более.

Пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.

Тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, иметь преданное и надежное войско, устранять людей, которые могут или должны повредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадежного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушие и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений.

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожеления. Так же и народ, видя, что он не может сопротивляться знати, возвышает кого либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту.

Наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет

свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан.

В новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя. Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они же в равной мере помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти.

Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

О народе

Люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Всякий город должен обладать обычаями, предоставляющими народу возможность давать выход его честолюбивым стремлениям, а особенно такой город, где во всех важных делах приходится считаться с народом.

Если ты станешь говорить, что правота нашего дела нас во мнении граждан возвеличит и их унизит, то я тебе отвечу, что правоте этой необходимо быть понятой и признанной другими так же, как ее понимаем и признаем мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.